Взаимодействие сельского и лесного хозяйства как способ выживания восточных районов Костромской области[1]

Т. Г. Нефедова

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4. E-mail: trene12@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена современная специфика взаимовлияния сельского и лесного хозяйства в удаленных от больших городов районах Костромской области, как типичного нечерноземного региона. Главными факторами в таких районах в последние десятилетия была депопуляция населения в сельской местности и в малых городах при концентрации производства ключевых отраслей — сельского хозяйства и деревообработки — на отдельных специализированных крупных предприятиях. При этом среднее звено предприятий вне городов вымывается, а малые вынуждены в целях выживания сочетать сельское и лесное хозяйство. Население при мизерных пенсиях сокращает личное подсобное хозяйство из-за возрастных ограничений и отсутствия помощи предприятий. На примере трех районов на востоке области рассмотрены пути трансформации в 2000–2020-х гг. крупных, средних и малых лесо- и сельскохозяйственных предприятий, а также хозяйств населения. Показаны пути взаимодействия и часто симбиоза сельского и лесного хозяйства и способы адаптации населения к меняющимся социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: лесное хозяйство, сельское хозяйство, крупные и малые предприятия, сельское население, Нечерноземье, Костромская область

EDN LHJZVX

Костромская область — один из самых лесистых регионов России, хотя и относится к Центральному федеральному округу, леса занимают 73,3% территории (Регионы России, 2023). Это сопоставимо с гораздо более северной Республикой Коми. Даже в соседней Вологодской области доля территории под лесами меньше — 68%. На востоке России больше доля лесов только в Иркутской области и в Приморском крае. Однако по запасам древесины Костромская область уступает более северной Вологодской, а в ЦФО сравнима только с более обширной по площади Тверской. И по производству

1. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-17-00129 «Перспективы социально-экономического и природосберегающего развития Ближнего Севера России», выполняемого в 2024–2026 гг. в Институте географии РАН.

пиломатериалов Костромская область занимает 8-е место в России, в Европейской части ее опережают только более северные и обширные Архангельская, Вологодская области, Республика Коми. А вот посевные площади — наименьшие в ЦФО (180 тыс. га). При этом с 2005 г. они уменьшились вдвое, а по сравнению с 1990 г. осталось 27% (Регионы России, 2001). Сельскохозяйственные земли занимают 16% территории и сосредоточены в основном на юго-западе области вблизи Костромы. По производству молока Костромская область отстает от соседней Вологодской более чем в 5 раз, при этом производство в последние годы продолжает убывать (Регионы России, 2023).

Лесные богатства и малоплодородные нечерноземные почвы, очаговость сельского хозяйства среди лесов и вблизи рек, как и прежде, вынуждают население помимо сельского хозяйства «кормиться» от леса (Кузьминов, 2009; Аверкиева, 2017) или временно подрабатывать в крупных городах. Для этой территории всегда было характерно сочетание сельского хозяйства с другими видами деятельности. Тем более что население области относительно бедное. Средняя зарплата в 2022 г. составляла в области лишь 60% от общероссийского показателя (Регионы России, 2023).

При этом проблемы постсоветской «холдингизации» в сельском хозяйстве проявляются и на этих, не очень плодородных землях. Все большую устойчивость, как и в других регионах, приобретают крупные сельскохозяйственные объединения, включающие несколько бывших колхозов и переработку сельскохозяйственной продукции (Узун и др., 2022). В Нечерноземье их меньше, чем на Юге России, но при сжимающемся экономическом пространстве их роль довольно велика. Но основным стимулом развития этих регионов служит создание крупных лесоперерабатывающих предприятий.

Особенно явно это проявляется в удаленных от больших городов «глухих углах» на стыке областей. За пределами центров регионов с их ближним окружением почти не осталось иных, важных для поддержания экономики районов, предприятий, кроме тех, которые связаны с лесным или сельским хозяйством. Восточная часть Костромской области по соседству с юго-востоком Вологодской, западом Кировской и севером Нижегородской областей — это типичная российская глубинка, удаленная от больших городов на 250–300 км. Сокращение сельского населения в XX–XXI веках здесь было катастрофическим. Демографические проблемы подобных районов в историческом и современном ракурсе неоднократно рассматривались в научной литературе (Мкртчян, 2024; Нефедова, Трейвиш, 2020). Общие для России тенденции стягивания населения в города и их пригороды здесь выражены особенно ярко. Неиспользуемые и зарастающие лесом сельскохозяйственные угодья характерны для многих нечерноземных регионов (Узун, 2017; Попов и др., 2024). Но именно в рассматриваемых районах наблюдается наибольший упадок сельского хозяйства (Староосвоенные.., 2021:

224-250), за исключением ополий — сравнительно небольших ареалов с лучше дренируемыми и более плодородными почвами (Нефедова, 2024а). Задача данной статьи — показать, как исторически менялись роль и взаимодействие ключевых секторов — аграрного и лесного — в зависимости от их местоположения и размера хозяйств и как это влияет на современное развитие муниципалитетов и жизнь населения.

Статья основана на многолетнем изучении автором сельской местности Костромской области в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов (Ойкумена.., 2016; Потенциал.., 2016; Нефедова, Баскин, Покровский, 2021 и др.), а также проекта РНФ, посвященного районам Центра России в 2014–2021 гг. (Староосвоенные.., 2021). В 2024 году в рамках проекта РНФ, посвященного регионам Ближнего Севера, автором было проведено специальное обследование современных проблем некоторых лесопромышленных[2] и сельскохозяйственных предприятий, как крупных, так и мелких, в трех удаленных от больших городов муниципальных районах Костромской области. Статья основывается на официальной статистике по регионам России и муниципальным образованиям, использовании интернет-ресурсов, отчетов муниципальных служб и предприятий, и главное, на беседах с руководителями предприятий разной специализации, как крупных, так и малых, и с населением.

История сельского и лесного хозяйства на востоке Костромской области

Исследуемая территория включает Мантуровский, Макарьевский и Шарьинский районы (ныне городские и муниципальные округа, а в прошлом части трех уездов: Кологривского, Макарьевского и Ветлужского). Они довольно долго оставались вне поля массового внимания, за исключением Макариево-Унженского монастыря, привлекавшего паломников. Экономический подъем наблюдался здесь в конце XIX века и был связан с лесным бумом. По Унже и Ветлуге к Волге и дальше по ней шел сплав леса, при этом Унжа, тогда более полноводная, занимала на рубеже веков второе место в Европейской России по объему сплава древесины (Торопов, 1998). Развивается на Унже и пароходство, в т.ч. пассажирское. По берегам рек московские, петербургские и иностранные лесопромышленники возводили лесопилки. Открывались ежегодные ярмарки и еженедельные базары. Купцы и промышленники строили себе в селах деревянные и каменные особняки. Под сельское хозяйство, которым занимались крестьяне, использовались в основном узкие

2. Совместно с сотрудниками Института географии РАН Е. А. Шварцем, А. Байбар, М. Орешкиной.

полосы земли на высоких террасах рек. Тем не менее именно сельское хозяйство, в т.ч. выращивание льна и кормов для скота, было основным занятием местного населения, которое дополняла работа мужчин зимой на валке леса или периодические отходы на заработки в большие города.

В советское время сельское хозяйство и лесные промыслы разделяются. Создаются колхозы и леспромхозы со своими задачами и планами. Колхозам увеличивают площади распашки малоплодородных земель и поголовье скота при больших дотациях государства, но с жестким партийно-хозяйственным контролем. Коммерческое использование лесов колхозам запрещалось, кроме вырубки так называемых колхозных лесов для предприятия и нужд населения (дрова, материалы для строительства и т.п.). Бедность и тяжелый труд стимулировали отъезд населения в города. Леспромхозы экономически были более выгодны, в их центрах быстрее росла численность населения, за счет окрестных деревень. Эти поселки становились своеобразными локальными центрами организации территории второго уровня после городов.

Города также росли благодаря переработке леса. Однако реальный бум лесной промышленности был связан со строительством в 1906 году Вологодско-Вятской железной дороги, проходящей через Буй, Галич, Котельнич (теперь это часть Транссибирской магистрали). Так, например, возник поселок Брантовка недалеко от Мантурова на железнодорожной станции, от которой отходила узкоколейка на Кологрив, открывая доступ к богатым лесным ресурсам. Это стимулировало возникновение лесопереработки (на капитале предпринимателя Э. Бранта). Поселок начинался с шести домов. К 1926 году на лесопильном заводе работало уже 130 человек, в 1930-х годах на зимней заготовке и переработке леса — 500 человек, включая крестьян окружающих деревень, а с 1940-х годов здесь развернулся леспромхоз. Поселок был переименован в Октябрьский. Здесь был сформирован Мантуровский лесозаготовительный район МВД СССР. В 1959 году население поселка и ближайших лесных поселений, в которых были и спецпоселенцы, достигло максимума — 5,5 тысячи человек[3]. Значительная часть продукции шла на экспорт. К концу советского периода в поселке Октябрьский жило 2,2 тыс. человек. Сейчас официально числится 834 человека, а фактически живет 537. До 2020 года здесь работало крупное лесоперерабатывающее предприятие ЗАО «ЗИЛ-Лес». В настоящее время поселок Октябрьский административно включен в г. Мантурово и большая часть его населения ездит работать в районный центр. Лесопромышленные поселки возникали и вдоль рек, по которым шел сплав, например, поселок Карьково в 15 км от Мантурова. Как и Октябрьский, все они теряют население: стимулов само-

3. Из экспозиции музея поселка Октябрьский Мантуровского района Костромской области.

развития при узкой специализации им не хватает, население, кроме занятых в добыче и первичной переработке леса, в сельском хозяйстве для частичного обеспечения себя продовольствием и в социальной сфере вынуждено искать заработки в городах.

Город **Мантурово** вырос из небольшой деревни Кологривского уезда, его географическое положение на пересечении реки Унжа и железной дороги, в отличие от других лесных поселков, было более выгодным. В 1915 году именно здесь было решено построить деревообрабатывающий и фанерный заводы. Это способствовало существенному увеличению его значимости, сделав его не просто городом, а центром нового района. Фанерный завод уже в 1930-х годах стал одним из крупнейших в России, поставлявших продукцию в т.ч. и на экспорт. Значение г. Мантурово было усилено строительством на его окраине в 1970-х годах биохимического завода с глубокой переработкой древесины, в т.ч. для оборонно-космического комплекса. Проработал он недолго из-за устаревшей технологии, оставив серьезные экологические проблемы (Ойкумена.., 2016: 94-98). Более удачная судьба у фанерного завода, который в 2007 году вошел в состав мощного объединения «Свеза», имеющего также предприятия в Костроме и в других регионах России.

Население города Мантурово в 1979 году составляло 22,5 тысячи. С тех пор оно уменьшилось до 13 тыс. человек, 3,9 тысячи живут в сельской местности Мантуровского городского округа (бывшего района). Благодаря двум крупным предприятиям лесопереработки на окраине города рядом с заводами в позднесоветское время возник современный квартал многоэтажных домов на 6 тыс. жителей с магазинами и двумя гостиницами (почти половина всего населения города). В ГО Мантурово числится 100 сельских населенных пунктов, в т.ч. около 40 без постоянного населения.

Не только лес, но и сельское хозяйство давало свои стимулы развитию района и города. В Мантурове работал хлебокомбинат (сейчас закрыт), в 1960-х годах был построен и работает сырзавод. Посевные площади в районе расширялись, однако все они были сосредоточены в полосе между рекой Унжа и параллельной автодорогой. Остальную территорию занимал лес. Показатели колхозов в советское время были нестабильны из-за низкого плодородия почв и жесткого надзора (сеять, убирать заставляли в «спущенные сверху» сроки без понимания реальной ситуации). Дотации составляли до 80% стоимости продукции. Урожайность зерновых колебалась от 7 до 12 ц/га. Но были и исключения благодаря отдельным сильным личностям. Например, председатель колхоза им. Ленина в деревне Угоры на реке Унжа в 1950–1970-х годах добился разрешения не только поставить пилорамы, но и продавать продукцию лесопереработки, в т.ч. готовые ящики, в другие регионы и республики СССР (другим это запрещалось). Компенсируя таким образом убытки сельского хозяйства, он вывел колхоз на одно из первых мест в области (Нефедова, 2024б). После его ухода колхоз им.

Ленина лихорадило, и к концу XX века он находился, как многие, на грани банкротства.

Шарья развивалась по той же схеме, что и Мантурово. Главными стимулами развития *города и Шарьинского района* также была лесная промышленность на пересечении железной дороги и реки Ветлуга. Относительно плодородные почвы и более плотное сельское население было характерно лишь для юга района на лучше дренируемых землях правобережья Ветлуги на границе с Нижегородской областью. Годом основания города считается 1906 год — открытие железнодорожного движения через Шарью. В 1920 году здесь был построен лесозавод, заготовки леса расширялись. К 1925 году жило уже 14 тыс. человек. В 1950-х годах строится Шарьинский комбинат домостроения с мощным лесопильным цехом и производством каркасных домов, машиностроительное и пищевые предприятия. В постсоветское время несколько предприятий объединяются в «ООО Лесопромышленный комплекс». В начале 2000-х годов в район приходит дочернее предприятие швейцарской фирмы «Кронохолдинг», которое остается одним из крупнейших в России производителей древесно-стружечных ламинированных плит «Свисс Кроно». Население Шарьи в постсоветские годы убывало меньше, чем в Мантурово, и сейчас составляет 20,4 тыс. человек, в Шарьинском районе числится 7,9 тыс. жителей. Из 179 сельских пунктов 73 не имеют постоянного населения.

Макарьев (как и другой бывший уездный центр Кологрив), оставшийся без железной дороги, имеет в настоящее время меньше шансов для развития мощной деревообработки, несмотря на большую площадь его района и обилие лесов. Сельское хозяйство в нем также концентрируется в узкой полосе вдоль правого берега реки Унжа. Большая часть района расположена на труднодоступном заболоченном лесном противоположном берегу, при этом моста через Унжу в районе нет. В отличие от Мантурова и Шарьи, Макарьев — старинный город, возникший на высоком правом берегу на месте слободы при Макариево-Унженском монастыре XV века. Годом его основания считается 1778-й, и развивался он как купеческий город на торговле лесом и обслуживании пароходных компаний. Судя по описаниям XIX века (Брокгауз, Ефрон, 1898), жизнь здесь била ключом. Эти земли были известны своим корабельным лесом, и в городе располагался один из крупных лесных рынков в бассейне Волги. Он практически затмил расположенный недалеко от него город Унжа — военный и торгово-административный центр, известный с XIII века, который в XIX веке стал заштатным городом, а ныне — селом с несколькими полуразрушенными церквями. В советские годы в глубине тайги на левом берегу Унжи находился печально известный Унжлаг, где лес рубили заключенные, жившие в спецпоселках, соединенных грунтовыми и бревенчатыми дорогами, в т.ч. проложенными на сваях через болота. Память об этом периоде сохранена в Макарьевском краеведческом музее.

В современном Макарьевском районе население также убывает, еще в 2002 году жило 19,5 тыс. человек, сейчас — 10,4 тысячи, в т.ч. 5,6 тыс. — в городе Макарьев. Маломощность центра района, удаленность от Костромы на 186 км и отсутствие железной дороги сильно ограничивают его развитие. Тем не менее и здесь основой экономики и района, и города также служат лесопереработка и сельское хозяйство, хотя привлекать инвесторов им труднее. Поскольку крупных лесоперерабатывающих компаний в районе почти нет, здесь особенно ярко проявляется симбиоз сельского и лесного хозяйства. В районе также много заброшенных сельских населенных пунктов (30 из 141), однако живописность ландшафтов на высоком берегу Унжи и меньшая удаленность от Костромы, Ярославля, Москвы привлекает сюда больше городских дачников, сохраняющих тлеющую жизнь малых деревень.

Таким образом, для рассматриваемых районов и их центров главным фактором развития в XX веке стала железная дорога и тесно связанная с ней лесная промышленность. Она стимулировала рост новых городов, в то время как старые уездные центры (Макарьев, Кологрив), удаленные от дороги, теряли население и экономический вес.

Характеристика удаленных районов и их накопленные проблемы

Прежде чем приступить к оценке современного состояния отдельных предприятий и проблем населения, сравним некоторые стандартные статистические показатели области в целом, пригородного Костромского района и рассматриваемых восточных районов, условных «соседей» Костромы 5-го порядка (Макарьевский), 6-го (Мантуровский) и 7-го порядка (Шарьинский) (табл. 1 и 2). Самыми большими запасами леса обладает Макарьевский район (388 млн куб. м), но большая их часть на левом берегу Унжи при отсутствии моста и сильной заболоченности в настоящее время труднодоступна. В Мантуровском районе — 159 млн куб. м, в Шарьинском — 238 млн куб. м[4].

Прежде всего надо отметить во всех трех районах очень низкую плотность автодорог. Главной остается асфальтированная федеральная трасса, пересекающая область с запада на восток. В последние годы были значительно улучшены и некоторые региональные трассы. Но стоит отклониться от них, и территория в осенне-зимне-весенний период становится труднодоступной, кроме спецтранспорта. Районы и прежде были заселены вдоль рек и редких дорог, а сейчас, после длительного оттока сельского насе-

4. Лесной план Костромской области. 2023. Электронный фонд правовых и нормативных документов.

ления, его плотность крайне мала, особенно по сравнению с пригородом Костромы (табл. 1). При этом население в Костромском районе увеличилось, а Макарьевский и Мантуровский районы потеряли только за постсоветские годы 2/3 сельского населения. Превышение смертности по возрасту и по неестественным причинам над рождаемостью оказалось в Мантуровском и Макарьевском районах важнее, чем его миграционный отъезд. Город Шарья на востоке области, через который идет сообщение как с Нижегородской, так и с Кировской областями, несколько лучше сохранил население, выполняя роль второго центра региона на пересечении транспортных магистралей. Его роль усиливается расположением центра области Костромы ближе к ее западным окраинам.

Таблица 1. Население и обустройство территории пригородного (Костромского) и восточных районов Костромской области

Пригородный и юго-восточные удаленные районы	Территория, кв. км	Плотн. автодорог, км/1000 кв. км	в т.ч. с усоверш. покрытием	Плотность сельского населения, чел/кв.км, 2022 г.	Динамика сельского населения, 2022/1990	Миграции, среднее за 2018–2022, чел/1000 жит. в год	Ест. Убыль, среднее за 2018–2022, чел/1000 жит. в год
Область в целом	58437	12,2	1,6	2,5	58,9		
Районы							
Костромской	2032	24	7,3	20,5	106,3	-2	-6
Макарьевский	4854	9.4	1,4	1,0	34.4	-10	-17
Мантуровский	2667	5,5	0,8	1,0	38,9	-8	-14
Шарьинский	3994	6,9	1,5	1,8	64,3	-14	-13

Данные Росстата по Костромской области

Доля занятых в народном хозяйстве в районах (собственно «кормильцев») в численности населения невелика (табл. 2). При сравнительно низких зарплатах продолжается отъезд населения на постоянное место жительства в другие регионы или временно на заработки в большие города. Это стимулируется и слабой бытовой обустроенностью жизни в сельской местности — отсутствием трубопроводного газа. Водопровод есть только в городах и центрах бывших сельских поселений.

Сельское хозяйство существенно сжалось в постсоветские годы. Распаханность территории за пределами пригорода Костромы и юго-западных районов области и прежде была невелика. За последние 30 лет в Макарьевском районе было заброшено более половины посевной площади, а в Шарьинском и Мантуровском —

соответственно, выведено из производства около 80%. Такими же были и потери поголовья крупного рогатого скота (КРС) (табл. 2). Все эти процессы оказали существенное воздействие на изменение не только структуры экономики, но и ландшафтов из-за зарастания огромных площадей лесной растительностью (Медведев, 2019). Но главное, изменилась сама организация как сельского, так и лесного хозяйства.

Таблица 2. Занятость, зарплата и сельское хозяйство

	Доля в % занятых в числен. населен.	Зарплата 2023 г., тыс. руб.	Доля НП без газа, %	Доля НП без водопровода, %	Доля посевной в террит. 2022, %	Динамика посевной 2022/1990, %	Динамика КРС 2022/1990, %
Область в целом	14	49	89	72	3	28	14
Районы							
Костромской	13	42	49	56	13	66	38
Макарьевский	12	34	100	76	1,5	41	15
Мантуровский	11	35	100	94	0,8	12	12
Шарьинский	9	39	100	87	2,1	22	17

Данные Росстата по Костромской области

Современные лесо- и сельскохозяйственные предприятия и их перспективы

Сельско- и лесохозяйственные предприятия представлены в основном обществами с ограниченной ответственностью (ООО), как в лесном, так и в сельском хозяйстве, сельскохозяйственными производственными кооперативами (СПК), а также индивидуальными предпринимателями (ИП) и крестьянскими фермерскими хозяйствами (КФК). Первые две группы включены в единый перечень сельскохозяйственных предприятий[5] и лесозаготовительных компаний[6] на 2022–2023 годы и информация по ним доступна, хотя и устаревает, требуя проверки. Исследовать ИП и КФХ сложнее. Их перечень более изменчив. К тому же многие предприятия в последние годы меняли свой статус, в т.ч. стремились перейти в форму ООО, поскольку последние имеют некоторые преференции по наследованию бизнеса, доступа к аренде лесов и т.п. Большинство агропред-

5. Агробаза сельскохозяйственных предприятий Костромской области (https://www.agrobase.ru/selxozpredpriyatiya/rossiya/cfo/kostromskaya-oblast).
6. Лесозаготовительные компании Костромской области (https://www.yecom.ru/category/020110/region/44).

приятий в качестве вспомогательного бизнеса занимаются заготовкой и переработкой леса. Поэтому исследование основывалось, помимо опубликованной статистики, на данных районных администраций и материалах обследования предприятий разного размера.

Рассмотрим сначала лесозаготовительные предприятия. Надо признать, что подвижки в этой сфере в последние годы, несмотря на обилие лесных ресурсов, велики. Например, в Шарьинском районе отмечено 6 действующих ООО, 15 ликвидированных в последние 10 лет и одна компания несостоятельна. В Мантуровском районе сохранилось одно ООО и шесть ликвидированы. В Макарьевском районе — два ООО действуют и три ликвидированы.

Крупнейшей лесозаготовительной компанией в Шарьинском районе остается «Свисс Кроно» в поселке Ветлужский, который вошел в состав Шарьи, с выручкой 1,7 млрд руб. и чистой прибылью 76 млн руб. в 2023 году[7]. Это один из основных налогоплательщиков районного, регионального и странового уровня. Второй крупной компанией является «Шарьялес» с выручкой в 2023 году 77 млн руб. и прибылью 1,7 млн руб. Остальные 4 компании имеют годовую выручку от нескольких сот тысяч до 24 млн руб. Учитывая большое число закрытых компаний, очевидно, что идет концентрация производства с размыванием среднего звена.

При этом «гиганты» активно взаимодействуют с небольшим лесным бизнесом. Например, у «Свисс Кроно» собственная аренда лесных участков дает около трети сырья, а остальное ей везут самые разные предприятия, причем не только с лесохозяйственной специализацией. Большинство сравнительно мелких ИП и ООО сельскохозяйственного профиля указывают в качестве второго вида деятельности заготовку и переработку древесины с поставками на «Свисс Кроно» (на подъезде к нему стоит огромная очередь грузовиков с лесом), на фанерные комбинаты в Мантурово и в соседнюю Нижегородскую область.

Выручка Мантуровского фанерного комбината в 2023 году превышала «Свисс Кроно» почти вдвое — 3,5 млрд руб. в 2023 году с чистой прибылью 693,5 млн руб.[8]. Комбинат в основном покупал березовое сырье у многочисленных поставщиков и продолжает покупать, но в 2024 году взял дополнительно участок леса в аренду в Кологривском районе. При этом непосредственно вырубкой березы на этом участке занимаются две нанятые специальные бригады из Вологодской области по четыре человека, которые меняются каждые две недели, работая на современных комплексах (харвестеры и форвардоры) круглосуточно и круглогодично. Производительность этой техники в десятки раз выше, чем могут себе позволить мелкие компании со старым привычным оборудованием (Беляева, 2024). Но новая техника стоит десятки миллионов рублей и требу-

7. Ibid.
8. https://alestech.ru/factory/45-sveza-v-manturovo

ет специального обучения, поэтому местные жители на такой сложной технике, как правило, не работают.

В Мантуровском районе осталось всего одно относительно крупное ООО с лесозаготовками «Дом-строй» с выручкой в 2023 году 650 млн руб. рядом с бывшей станцией и поселком Октябрьский на железной дороге. Об активной деревопереработке в прошлом в этом поселке говорят горы отходов опилок и лесоматериалов. Восемь компаний в Мантуровском районе было ликвидировано за последние десятилетия. Все остальные заготовители — сравнительно небольшие.

В Макарьевском районе сохранилось лишь несколько ООО и ИП, занимающихся лесозаготовками и лесопереработкой (пиломатериалы, горбыль, дрова населению), в т.ч. на низком болотистом противоположном берегу реки. Большую часть древесины обрабатывают индивидуальные предприниматели.

Сельскохозяйственные предприятия в этих трех удаленных районах менее успешны. В справочнике Агробаза в Шарьинском районе указаны 16 предприятий. Однако эта информация существенно устарела. Число их постепенно снижалось и к 2021 году осталось восемь небольших предприятий[9].

Подробное обследование Мантуровского района выявило в 2024 году всего четыре реально работающих самостоятельных предприятия. Два наиболее успешных прежде колхоза, ныне ООО, вошли в объединение «Молпром», зарегистрированном в Костроме. В это объединение также входит Костромской, Мантуровский и Вохомский сырзаводы, ООО «Боговар», производящий известное «Боговаровское сливочное масло», и ряда других предприятий[10]. Вхождение в состав холдинга позволяет двум бывшим колхозам района наладить сбыт продукции и сохранить поголовье скота: в ООО «Междуречье» сохранилось 449 голов КРС, в т.ч. 208 коров, в ООО «Леонтьево» — 367, в т.ч. 175 коров. В остальных четырех самостоятельных предприятиях в сумме насчитывается лишь 118 коров и еще 28 коров держат ИП.

В Макарьевском районе из 10 бывших агропредприятий реально функционируют только четыре. Крупнейшие — СПК «Новая Русь» (426 КРС) и СПК «Никулино» (280 КРС). Последнее отказалось от производства молока, сохранив только мясное стадо. Закрылись и перерабатывающие предприятия: «Макарьевские колбасы» и «Молочная ферма».

Наиболее известно в Макарьевском районе предприятие другого профиля, тесно, но совсем иначе связанное с лесом, — ООО «Царь Берендей», перерабатывающее дары леса, собираемые населением. По оценкам, в лесах Костромской области объем заготовок брусники может составлять 40 тыс. тонн, черники — 142 тыс.

9. Паспорт Шарьинского района Костромской области, 2022.

10. ООО «МОЛПРОМ» (https://checko.ru/company/molprom-1034408630772)

тонн, клюквы — 7,6 тыс. тонн, грибов — 51 319 тыс. тонн, хотя учет фактических объемов заготовок не производился[11]. Предприятие расположено на окраине города Макарьев в помещении бывшего льнозавода, что символически указывает на смену приоритетов развития таких районов с сельского хозяйства, особенно льноводства, на использование даров леса. Лен был характерен для крестьянских мелких хозяйств в этих районах при ручном уходе на рубеже XIX и XX веков. В советских колхозах при машинном производстве он не удавался (волокно получалось грубым, урожайность низкая) и сошел на нет (Ойкумена.., 2016: 167-174). А в современных условиях бренд района и в целом Костромской области — мороженные, соленые, маринованные грибы, разнообразные варенья и соки. Продукция предприятия реализуется широко за пределами Костромской области, в т.ч. и через фирму «Вкусвилл», захватив не только магазины, но и сегмент обслуживания гостиниц. Ее можно найти и в магазинах Москвы. Возможность стабильного сбыта грибов и ягод в удаленных лесных районах для поддержки местного населения оказалась очень важна. Машины за ягодами и грибами приезжают в определенные дни в «опорные» села, где за небольшую плату от предприятия местный сборщик забирает продукцию от населения. Но население стареет, детей, часто участвующих в сборе даров леса, все меньше. Но главное, далеко не все вполне трудоспособные даже при отсутствии работы готовы подрабатывать таким образом. В настоящее время собранного в Костромской области сырья недостаточно, предприятию приходится расширять зону заготовок в соседние регионы.

Способы выживания сельскохозяйственного бизнеса в лесных районах

Трансформация лесохозяйственного бизнеса и сжатие сельскохозяйственного производства имели заметные последствия для экономики и землепользования в рассматриваемых районах. Наиболее надежный путь выживания агропредприятий — включение в крупный агропромышленный холдинг, что обеспечивает сохранение поголовья скота, модернизацию предприятия, надежный сбыт продукции. Например, в Мантуровском районе в 2024 году 67% поголовья КРС приходилось на два предприятия, входящих в агрохолдинг. Все остальные производители вынуждены бороться за выживание, используя в качестве вспоможения лесозаготовки и деревообработку.

При этом выросший за 30 с лишним постсоветских лет молодой лес на заброшенных сельскохозяйственных землях колхозов рубить запрещено, даже предприятию, которому эти земли принад-

11. Лесной план Костромской области. Электронный фонд правовых и нормативных документов.

лежат. Можно только официально передать их в ведение лесного хозяйства или распахать. Но передавать можно лишь конкретные земельные паи населения, которые в подавляющем большинстве не выделены на местности: люди не хотят платить за ненужные им заросшие лесом, хотя и официально числящиеся сельскохозяйственными, земли. Их переоформление — сложная процедура. К тому же леса в области пока достаточно. Межколхозные леса, которые прежде могли использовать колхозы и их работники для своих нужд, перешли в ведение государства. В результате создается абсурдная ситуация: поля забрасываются, площадь леса вокруг агропредприятий увеличивается, в т.ч. и на их землях, но для вырубки леса, без которой большинству из них не выжить, руководителю предприятия приходится брать в аренду участок на официально оформленных лесных землях.

Тем не менее именно лесозаготовки помогают выживать как агропредприятиям, так и населению. Правда, доступ населения к использованию древесины для бытовых нужд (напомню, что магистрального газа в рассматриваемых районах нет) усложнился. Прежде лесхозы выделяли делянку и выдавали порубочные билеты на определенный объем леса. Люди рубили сами или помогали друг другу. Теперь, хотя и положено на домохозяйство 15 куб. м на дрова в год и 100 куб. м на строительство дома раз в десять лет, мало кто сам рубит и тем более строит. Население постарело и убывает. Спрос только на дрова, а вокруг предприниматели, готовые продавать населению за 15 тыс. руб. (в 2023 г.) машину осиновых и березовых дров. Некоторые предприниматели покупают заготовленные бревна, пилят и колют их на дрова и продают населению.

Рассмотрим примеры некоторых наиболее типичных сочетаний лесо- и сельскохозяйственных типов деятельности, благодаря которым, помимо крупных лесоперерабатывающих предприятий и редких бывших колхозов, которые вошли в состав крупных агрохолдингов, держится экономика этих удаленных районов.

Один из наиболее распространенных вариантов — создание одним и тем же руководителем дополнительно к сельскохозяйственному предприятию, доставшемуся ему с советских времен, еще и лесозаготовительного под вывеской ООО или ИП. При убыточности или нулевой прибыли сельскохозяйственного производства, его продолжение возможно только за счет доходов от заготовки и простейшей переработки леса. Поэтому обычно дополнительно оформляется аренда лесов. Многие при этом ставят пилораму, производя простые пиломатериалы для строительства и дрова для населения. Более активные везут древесину на «Свисс Кроно» в Шарью. При этом убыточность в таких условиях и трудоемкость традиционного в прошлом для этих мест молочного животноводства заставляет часть руководителей отказываться от него, переходя на мясное, менее затратное. Для этого оформляется параллельно крестьянское фермерское хозяйство, чтобы была возможность взять кре-

дит на покупку скота, оставляя в ООО или СПК заготовку кормов. Совмещая, таким образом, доходы от разных бизнесов, руководители небольших сохранившихся хозяйств пытаются поддерживать на плаву бывшие советские агропредприятия. При этом реально используемые сельскохозяйственные земли, особенно пашня, продолжают сокращаться.

Такое сочетание бизнесов позволяет хотя бы частично сохранять занятость населения. Последнее тем более важно, что в результате муниципальной реформы и объединения сельских поселений в последнее десятилетие в Костромской области произошло резкое сокращение рабочих мест в социальной сфере, закрылись сельские администрации, школы в небольших деревнях, клубы (Глезер, 2016; Трейвиш и др., 2021). Серьезным ограничителем продолжения сельскохозяйственной деятельности и ее сочетания с лесохозяйственной служит устаревшая техника, большая часть которой вышла из строя. Обновить ее небольшому предприятию не представляется возможным.

Местное население таких руководителей-предпринимателей, как правило, не одобряет, хотя сохранение предприятия в любом виде — это зачастую единственный заработок в сельской местности. Рефрен «все вокруг колхозное, все вокруг мое» продолжает жить в головах местного населения, притом что заработать самостоятельно, в т.ч. создав свой малый бизнес, мало кто пытается.

Как выживает население

В современной сельской местности востока Костромской области преобладают пенсионеры. Трудовые ресурсы — это главная проблема в современной нечерноземной деревне, особенно в таких удаленных районах. Скорость естественной убыли оставшегося населения по старости увеличивается. В таблице 1 видно, что в последние пять лет население Макарьевского и Шарьинского районов в результате миграционного оттока и превышения смертности над рождаемостью сокращалось на 2,7% в год, Мантуровского — на 2,2% в год. Кажется, что это не так много, но через 10 лет это уже на четверть меньше людей, а через 20 лет — меньше наполовину. Если учесть, что во многих селах осталось менее 10 человек, число заброшенных деревень продолжит расти.

Но дело не только и не столько в количестве населения. При современных организационно-технологических изменениях как сельского, так и лесного хозяйства его в принципе хватало бы. Но при разговоре с любым руководителем главные жалобы — люди есть, а работать некому. Уезжают наиболее активные и трудоспособные люди (молодежь, а в последние годы и семьи с детьми, в т.ч. в связи с закрытием многих школ при объединении поселений и переходом на подвоз детей по плохим дорогам в оставшиеся). В результате

происходит «отрицательный социальный отбор» населения. Людей, не только готовых к малому бизнесу, но и пытающихся так или иначе зарабатывать в месте проживания, очень мало. На сельскохозяйственных предприятиях и пилорамах местные жители тоже неохотно работают из-за низких зарплат и тяжелого труда. Надежных работников единицы. Да и те, кто занят на подсобных работах, периодически уходят в запой.

Подробное исследование Мантуровского района показало, что при мизерных пенсиях выживать помогает помощь родственников, в т.ч. уехавших в города детей, пенсии матерей и огороды. Летом жизнь активизируется благодаря дачникам. Например, в Мантуровском районе доля домов в деревнях, купленных дачниками, достигает 30%, а в малых деревнях доходит до 70–80% (Нефедова и др., 2021), хотя дачники здесь обычно ничего не строят и живут в деревенских избах (Между домом, 2016). Главная проблема дачников — где найти людей, готовых помогать косить траву, ремонтировать дом и т.п., причем за немалые деньги. Единичные надежные работники нарасхват. Помимо сельского, лесного хозяйства, объектов социальной сферы, а также редких продуктовых магазинов в наиболее крупных селах, именно дачники становятся основными работодателями для трудоспособных сельских жителей и потребителями продукции их подсобных хозяйств, которые тоже сжимаются.

Например, в 30 деревнях Мантуровского района на 235 личных подсобных хозяйств приходится всего 59 коров. Молоко в ЛПХ производится для собственного потребления и продажи соседям по деревне и дачникам. Хозяйств, в которых ЛПХ перерастает в неоформленное фермерское, на весь район всего два (14 коров с телятами и 9 коров). Есть случаи, когда коров заводят переехавшие в сельскую местность москвичи. Есть несколько хозяйств, содержащих коз и овец, при этом половина всего поголовья сконцентрирована в трех хозяйствах, ориентированных на продажу мяса (в т.ч. через интернет). Свиней держат редко. Более распространено пчеловодство на цветущих, в т.ч. заброшенных, полях и лугах — в районе 51 пасека. В целом с убылью и постарением населения сжимается и личное подсобное хозяйство.

Заключение

И прежде, и теперь главными факторами экономического развития удаленных от городов районов Нечерноземья были и остаются возможности вывоза и переработки леса. При проведении железной дороги в начале XX века именно лесная промышленность дала стимулы развития городов, что показывают примеры Мантурова и Шарьи. Города, бывшие в прошлом даже уездными центрами, которые не имели выхода к железной дороге, стагнировали.

Лесная промышленность стала ключевым фактором экономического развития этих районов, давая ¾ всего производства. При этом как в лесной промышленности, так и в сельском хозяйстве идут процессы укрупнения и размывания среднего звена. При продвинутости современных технологий лесозаготовок и лесопереработки, а также технологизации производства на крупных агрохолдингах требуется сравнительно небольшое количество специально подготовленных людей. Поэтому сохранение и развитие крупных предприятий, модернизация сельского и лесного хозяйства не стала фактором сохранения занятости местного населения.

Для остальных предприятий характерно усиление взаимосвязи сельского и лесного хозяйства. Наличие таких мощных переработчиков древесины, как «Свеза» в Мантурове, потребляющая березовый баланс для производства фанеры, и «Свисс Кроно» в Шарье, принимающая самую разную, в т.ч. некондиционную, древесину для производства древесно-стружечных плит, стимулирует самые разные предприятия, в т.ч. средние и малые сельскохозяйственные, к лесозаготовкам, независимо от их организационной формы (ООО, СПК, ИП). При наличии отремонтированных федеральных и региональных трасс сбыт древесины возможен и на фанерных комбинатах других районов области и в соседних областях. Добыча и первичная переработка древесины реально помогает выжить как лесозаготовителям, так и агропредприятиям. Можно говорить о современном симбиозе сельского и лесного хозяйства. При резком сокращении дотаций оставшимся и бывшим колхозам он становится неизбежным. В этих районах с бедными почвами, где лесное хозяйство по доходам превосходит сельское, выживать без помощи лесопользования могут лишь агропредприятия, имеющие «холдинговую крышу». Закрывая глаза на побочные производства, связанные с лесами, областные и муниципальные чиновники требуют тем не менее сохранения сельского хозяйства любой ценой, вводя при сокращении поголовья скота санкции по оформлению аренды лесов. Это заставляет руководителей агропредприятий поддерживать оставшееся поголовье, порой переводя его с исторически сложившегося в этих регионах молочного на менее трудоемкое мясное направление и занимаясь параллельно лесозаготовками для получения прибыли. Налицо явное противоречие современных подходов бизнеса с целью выживания, в т.ч. и с рядом инноваций, с традиционными чиновничьими подходами.

Все это, дополнительно к крупным и средним лесопромышленным предприятиям, поглощающим тонны леса, усиливает оборот древесины и дает шансы заработать наиболее активной узкой группе населения. При этом сельское хозяйство, за исключением единичных предприятий, включенных в агрохолдинги, сжимается. В результате значительная часть сельских жителей, за исключением пенсионеров со стабильным небольшим доходом и молодежи, которая после окончания школы уезжает в города, подвержена депривации.

Библиография

Аверкиева К. В. (2017). Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С.86-106.

Беляева М. (2024). Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине. М.: Common Place. Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники».

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1898). Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон.

Глезер О. Б. (2016). Непрекращающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014–2015 гг. // Россия 2016. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра «Обсерво». С. 373-386.

Кузьминов И. Ф. (2009). Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесоуправления (docviewer. Yandex.ru/view/22819521/?=7odoQ flOdBQgjnD)

Медведев А. А., Тельнова Н. О., Кудиков А. В. (2019). Дистанционный высокодетальный мониторинг динамики зарастания заброшенных сельскохозяйственных земель лесной растительностью // Вопросы лесной науки. Т. 2. № 3. С. 1-12.

Между домом, и… домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова (ред.). М.: Новый хронограф.

Мкртчян Н. В. (2024). Стягивание населения России в крупные города и их пригороды // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 241-249.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенного пространства в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 31-53.

Нефедова Т. Г., Баскин Л. М., Покровский Н. Е. (2021). Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. № 11. С. 132-143.

Нефедова Т. Г. (2024а). Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части России // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 42-61.

Нефедова Т. Г. (2024б). Объективные и субъективные факторы развития сельской местности: роль Гениев места // «Гений места» российских городов. Материалы XXII ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения». Санкт-Петербург. С. 34-44.

Ойкумена Ближнего Севера России (2016). М.: Университетская книга.

Попов А. В., Соловьева Т. С., Короленко А. В., Груздева М. А. (2024). Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий / Ред. А. В. Попова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.

Потенциал Ближнего Севера (2014): экономика, экология, сельские поселения / Ред. Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова. М.: Логос.

Регионы России (2021). М.: Росстат.

Регионы России (2023). М.: Росстат.

Староосвоенные районы в пространстве России (2021): история и современность / Ред. Т. Г. Нефедова, А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Трейвиш А. И., Глезер О. Б., Нефедова Т. Г. (2021). Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы // Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 68-78.

Торопов С. Н. (1998). Мантурово. Страницы истории. Мантурово.

Узун В. Я. (2017). «Белые пятна» и неиспользуемые угодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 21(59). С. 14-21.

Узун В. Я., Шагайда Н. И., Гатаулина Е. А., Шишкина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: ДЕЛО.

Interaction of agriculture and forestry as a way of survival for Eastern districts of the Kostroma Region[12]

Tatyana G. Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Staromonetny Per., 29, bldg. 4, Moscow, 119017, Russia. E-mail: trene12@yandex.ru

Abstract. The article considers today's specifics of the mutual influence of agriculture and forestry in the Kostroma Region as a typical non-black-earth region, in areas remote from large cities. The main factors affecting life in such a region in recent decades have been depopulation in rural areas and small towns and concentration of production of key industries — agriculture and woodworking — in separate specialized large enterprises, while middle-sized enterprises outside cities disappear and small enterprises are forced to combine agriculture and forestry to survive. Meager pensions make the population reduce their personal subsidiary farming due to age restrictions and the lack of assistance from enterprises. Based on the study of three districts in the eastern part of the region, the article describes transformation paths of large, medium-sized and small forestry and agricultural enterprises and households in the 2000s–2020s. The author shows paths of interaction and often symbiosis of agriculture and forestry and methods of people's adaptation to changing social-economic conditions.

Key words: forestry, agriculture, large and small enterprises, rural population, Non-Black Earth Region, Kostroma Region

References

Averkieva K. V. (2017) Simbioz selskogo i lesnogo khozyaystva na staroosvoennoy periferii Nechernozemya: opyt Tarnogskogo rayona Vologodskoy oblasti [Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 86–106.

Belyaeva M. (2024) *Shchepki letyat. Kak ustroen lesozagotovitelny promysel na Vologodchine* [Chips Fly. How the Logging Industry in the Vologda Region is Organized], Moscow: Common Place; Fond podderzhki sotsialnyh issledovaniy "Khamovniki".

Brokgauz F. A., Efron I. A. (1898) Entsiklopedichesky slovar. T. XXII [Encyclopedic Dictionary. Vol. XXII], Saint Petersburg: Tip. aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron.

Glezer O. B. (2016) Neprekrashchayushchayasya munitsipalnaya reforma v Rossii i novatsii 2014–2015 gg. [Russia's ongoing municipal reform and innovations of 2014–2015]. *Rossiya 2016. Ezhegodny doklad Franko-Rossiyskogo analiticheskogo tsentra "Observo"*, pp. 373–386.

Kuzminov I. F. (2009) Kostromskaya periferiya: sotsialno-ekonomicheskie posledstviya transformatsii lesoupravleniya [Kostroma periphery: Social-economic consequences of the forest management transformation]. URL: yandex.ru/view/22819521/?=7odoQfl0dBQgjnD.

Medvedev A. A., Telnova N. O., Kudikov A. V. (2019) Distantsionny vysoko-detalny monitoring dinamiki zarastaniya zabroshennyh selskokhozyaystvennyh zemel lesnoy rastitelnostyu [Remote high-detailed monitoring of the dynamics of overgrowing of abandoned agricultural lands by forest]. *Voprosy Lesnoy Nauki*, vol. 2, no 3, pp. 1–12.

12. This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-17-00129 "Prospects for the social-economic and nature-saving development of the Near North of Russia" (2024–2026, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences).

Mezhdu domom, i… domom (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home, and… Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova (Eds.), Moscow: Novy khronograf.

Mkrtchyan N. V. (2024) Styagivanie naseleniya Rossii v krupnye goroda i ih prigorody [The outflow of the Russian population to large cities and their suburbs]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*, no 2, pp. 241–249.

Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Polyarizatsiya i szhatie osvoennogo prostranstva v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and compression of the developed space in the center of Russia: Trends, problems, possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.

Nefedova T. G., Baskin L. M., Pokrovsky N. E. (2021) Evolyutsiya prostranstva selskih territoriy Blizhnego Severa (keys Manturovskogo rayona Kostromskoy oblasti) [Spatial evolution of rural areas in the Near North (the case of the Manturovsky district of the Kostroma Region)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 132–143.

Nefedova T. G. (2024a) Vektory i problemy sovremennogo prostranstvennogo razvitiya regionov Blizhnego Severa Evropeyskoy chasti Rossii [Vectors and problems of the contemporary spatial development of the Near North regions in the European part of Russia]. *Baltiysky Region*, vol. 16, no 3, pp. 42–61.

Nefedova T. G. (2024b) Ob`ektivnye i sub`ektivnye faktory razvitiya selskoy mestnosti: rol geniev mesta [Objective and subjective factors of rural development: The role of genius loci]. *"Geniy mesta" rossiyskih gorodov. Materialy XXII ezhegodnoy konferentsii iz tsikla "Leontyevskie chteniya"*, Saint Petersburg, pp. 34–44.

Oikumena Blizhnego Severa Rossii [Oikumene of Russia's Near North] (2016), Moscow: Universitetskaya kniga.

Popov A. V., Solovyeva T. S., Korolenko A. V., Gruzdeva M. A. (2024) *Goroda i selskaya periferiya sovremennoy Rossii: klyuchevye tendentsii i riski transformatsii zanyatosti v rakurse prostranstvennogo razvitiya territoriy* [Cities and Rural Periphery of Contemporary Russia: Key Trends and Risks of Employment Transformation in the Context of Territories' Spatial Development]. A. V. Popova (Ed.), Vologda: VolNTS RAN.

Potentsial Blizhnego Severa (2014): *ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements]. N. E. Pokrovsky, T. G. Nefedova (Eds.), Moscow: Logos.

Regiony Rossii [Regions of Russia] (2021), Moscow: Rosstat.

Regiony Rossii [Regions of Russia] (2023), Moscow: Rosstat.

Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii (2021): *istoriya i sovremennost* [Old-Developed Areas in the Space of Russia (2021): History and the Present Time]. T. G. Nefedova, A. V. Starikova (Eds.), Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK.

Treyvish A. I., Glezer O. B., Nefedova T. G. (2021) Staroosvoennye rayony v volnah munitsipalnoy reformy [Old developed areas in the waves of municipal reform]. *Staroosvoyennye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost*, Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK, pp. 68–78.

Toropov S. N. (1998) *Manturovo. Stranitsy istorii* [Manturovo. Pages of History], Manturovo.

Uzun V.Ya. (2017) "Belye pyatna" i neispolzuemye ugodya: chto pokazala selskokhozyaystvennaya perepis 2016 goda "Blank spots" and unused lands: What the 2016 Agricultural Census showed]. *Monitoring Ekonomicheskoy Si-tuatsii v Rossii. Tendentsii i Vyzovy Sotsialno-Ekonomicheskogo Razvitiya*, no 21, pp. 14–21.

Uzun V.Ya., Shagayda N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022) *Kholdingizatsiya agrobiznesa Rossii* [Holdingization of the Russian Agribusiness], Moscow: "Delo".